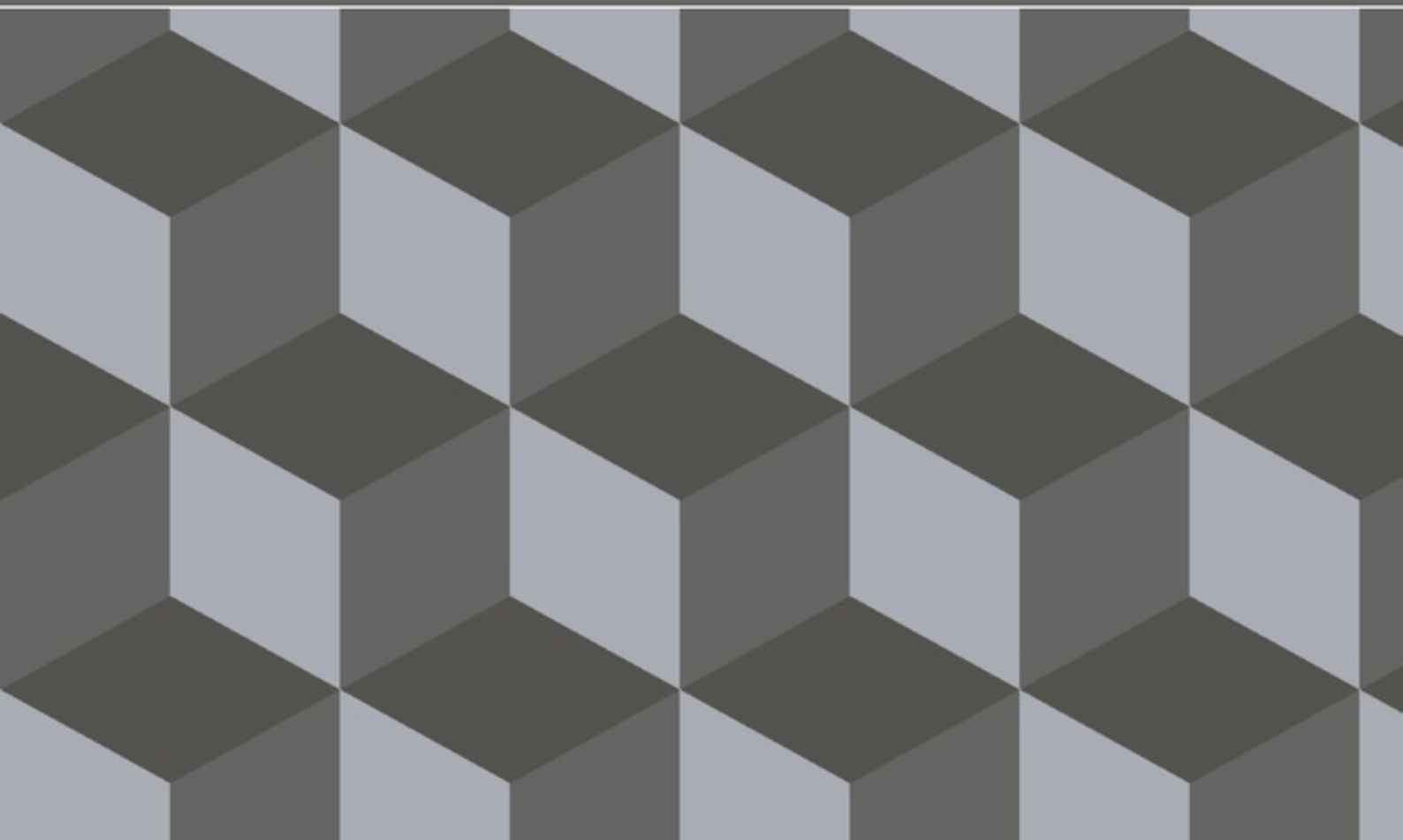

Олег Глушкин

*Рыбацкое
море*

рассказы

Олег Глушкин

Рыбацкое море. Рассказы

«Издательские решения»

Глушкин О.

Рыбацкое море. Рассказы / О. Глушкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831044-7

Рассказы и миниатюры, составившие книгу, рождены морскими рейсами автора. Вдали от родных берегов обостряются чувства, сближаются и сталкиваются люди, но всех их объединяет рыбацкое море.

ISBN 978-5-44-831044-7

© Глушкин О.
© Издательские решения

Содержание

Морской мотив	6
Первый трал	8
Госпожа удача	10
Морской учитель	12
Кораблики рыбацкого флота	16
Сирена	19
Крик петуха	23
Ночной замет	24
На живца	26
Морская любовь	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рыбацкое море
Рассказы
Олег Борисович Глушкин

© Олег Борисович Глушкин, 2016

ISBN 978-5-4483-1044-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Морской мотив

Наступит еще одна бессонная ночь, в которую незримо ворвется море. И мимо проплывут мои корабли: невидимая в ночи подводная лодка, быстрый морской охотник, юркий и низкобортный тральщик, мерно колышущаяся на волнах плавбаза, усталый и пыхтящий траулер. Никто на их палубах не вспомнит меня. В обшивке, на флорах и бимсах, возможно, записано воспоминание о моем имени. Можно еще раскрыть судовую роль. Но бумага так ненадежна. Рукописи не горят – утешение для тех, кто не признан. Я без всякого сожаления променял бы все свои книги на счастье первого свидания с морем. О, как хотел бы я снова, облаченный в бушлат и бескозырку, ступить на шаткий трап и козырнуть вахтенному, и убедиться, что я не опоздал к отходу. И уйти в дозор, в морское пространство, чтобы почувствовать его бесконечность. Берег лишен постоянства. Только море вечно, его нельзя поджечь. Раскаленное солнце садится по вечерам в его воды – и сразу остывает. В глубинах затаилась холодная тьма. Зато поверхность играет всеми цветами радуги, и бусинки брызг кидает в лицо морской ветер. Что я искал в этом безбрежном пространстве, меняющим свой цвет и подчиненным небу? Все острова и земли давно открыты. Я никогда не жаждал славы. Мне даровал свободу океанский простор и непрерывный ход волн. Я любил и желал море, как любят и желают женщину, таинственную и непостижимую. Однообразие дней, съедающих водную гладь, казалось бесконечным праздником. След за кормой, рожденный винтом, методично стирался, и волны вдали становились крохотной рябью. Можно было подолгу смотреть на пенные всплески и слушать затаенную музыку близящихся штормов. Этот рокот, как львиный рык, как содрогание гигантских китов, как сердцебиение вселенной. Шелестящая тишина на рассвете. Пространство, лишенное пения птиц. Его заменяет ритмичный шум волн – богатырская симфония движущейся воды.

Все живое зародилось в морских глубинах. Младенец, едва покинувший лоно матери, готов безбоязненно плыть в родной стихии воды. Раствориться в воде – не значит ли это вернуть свое первородство. Плыть пока хватит сил. И сложить руки. На илистом дне открыть глаза и увидеть зеленые покачивающиеся водоросли, причудливые ветви кораллов и сияние перламутра огромных раковин. Засмеяться последний раз от щекочущего прикосновения маленьких рыбок – и устремиться вверх, и, вынырнув, жадно глотать воздух.

Только в море можно осознать, что значит для тебя земля. И когда после долгого рейса вдохнешь пряный запах трав и увидишь березки, растущие на берегу, ты предашь море и даже скажешь себе – зачем же болтался столько дней там, где не поют птицы и не пахнет пылью. Земля же еще долго будет качаться под ногами напоминая о дощатой палубе. И ноги вспомнят тепло палубного настила и опять приведут в порт.

Как соединить все это в себе, как примирить воду, землю и небо? Надо придумать себе необитаемый остров, посадить на нем дерево у самой кромки прибоя и сидеть под зеленой кроной так, чтобы пятки лизал соленый накат. Сидеть и смотреть в небо, пока не осознаешь, что надо сделать плот. И только море может связать тебя с людьми. В ветреную погоду, когда море сливается с небом и барашки волн пенят его, плот может превратиться в летучего голландца. И если ему придать скорость, он будет глиссировать. И тогда неизвестно: летишь ты или плывешь... И с тобою всегда горсть земли, в которой можно вырастить небольшой цветок, если тебе опостылят розовые кораллы. Все это живет в тебе. И воспоминания и сны часто реальней той жизни, которую стараешься не замечать. И в комнате по ночам кричат надрывно чайки и раскрывают длинные узкие рты дельфины, чтобы поведать о таинствах и очаровании дальних странствий. И в подтверждение утром приходит открытка из Гаваны. Голубое лаковое море на этой открытке обнимает белый форт и вдали призрачным пятном встает из вод твой корабль. Может быть, ты был на его борту, когда делали этот снимок, ты стоял на баке

и смотрел на плывущий навстречу город, на его розоватые дворцы и гранитные набережные. Что теперь ответишь ты? Расстояния съедают слова. Остается одно – опять подняться по трапу и скинуть с кнехта пеньковый канат.

Первый трал

В свой первый рейс я вырвался, преодолев все мыслимые и немыслимые преграды. Я готов был идти простым матросом, идти кем угодно, лишь бы прервать свое унылое конторское существование, лишь бы вырваться на свободу от тех многочисленных церберов, которые считали, что имеют право диктовать мне условия жизни. Были проблемы с визой, но и они решились. И я радовался, словно молодой жеребенок, выпущенный на весенний луг. И до сих пор помню то майское утро, когда у берегов Ирландии, наш траулер отдал первый трал. Помню, что я, так ждавший это событие, хотя и проснулся рано, чуть не прозевал его. Потом я написал об этом тралении в повести «Всего один рейс»:

Когда вышел на палубу, лебедки уже работали, растаскивая сетное полотно. Тралмастер в белой куртке распорядился движением тросов. Он стоял на тамбучине и взмахивал руками, словно был дирижером большого оркестра. Командиры собрались в рубке, матросы-обработчики сгрудились на палубе по левому борту. Боцман принес полиэтиленовый пакет, в котором лежали буханка хлеба и бутылка вина. Матросы приподняли сетку кутка, и боцман полез в трал, как медведь, путаясь руками и ногами в сетке. Он положил пакет в куток трала, стал вылезать, упал и совсем запутался. Под общий хохот матросов его с трудом вытащили из трала. Морской закон зато был соблюден. Угощение для Нептуна и для рыб было в трале. Над судном носились стаи чаек. Ещё вчера их не было. Откуда они узнали, что мы собираемся отдавать трал? Чаек было много, они пищали, стонали, садились на палубу, плыли рядом с бортом. Белые с черными кончиками крыльев, сероватые с желтым клювом и выпученными глазами. Казалось, к нам слетелись все чайки ирландского побережья.

Наконец заработали лебедки. Кухтыли, грузы, бобинцы, сетка – все это с грохотом поползло по палубе, спустилось в углубление слипа и пошло в воду.

Приборы в рубке «писали» рыбу. Пять косяков зашло! – радостно крикнул штурман, свесившись с крыла рубки. Я с нетерпением ждал того момента, когда начнут выбирать трал, а мы все шли и шли самым малым ходом. Время тянулось так медленно, что казалось, кто-то неведомый нам остановил часы. Никто не уходил с палубы. Матросы смотрели на воду в томительном ожидании.

Наконец мешок трала начал всплывать. Мы поняли это по скоплению чаек метрах в пятидесяти за кормой.

– Идет, голуба! – закричал тралмастер.

Траулер приостановился, как лошадь перед крутым подъемом, мелко задрожала обшивка. Гудят лебедки, потрескивают троса. Утомительно долго наматываются ваера на барабаны лебедок. Глубина здесь порядочная. Минут через пятнадцать с грохотом наткнулись на транец кормы траловые доски, которые добытчики ловко хватили и крепят цепочкой. И вот уже пошел кабель трала. Как глиссер, весело несется по волнам «богородица» – щиток с белыми кухтылями, который отпугивает рыбу, чтобы не ушла из трала. На щитке большими красными буквами какой-то шутник написал: «Привет рыбам!»

За «богородицей» показался сам трал, он всплывает как подводная лодка, большой зеленый, опоясанный белыми и желтыми кухтылями, набитый туго, как перекаченный баллон. Крылья трала поползли по слипу, в ячее поблескивает рыбы. Это путассу – блестящая чешуя, сама узкая, похожая на сельдь, только меньше и нежнее.

Куток трала набит до отказа. И вот уже он целиком выполз на слип, сплюснулся и замер. Добытчики залезли на трал, вставили шланг в ячею и водой выгоняют первую рыбу. Открыли крышки чанов, и рыба из кутка хлынула в них тугим сверкающим потоком.

– Вот это почин! – радостно кричит боцман.

– Ход, ход давай! – приказывает капитан в машину.

Траулер накренился на вираже. Мы разворачиваемся к тому месту, откуда начали траление, чтобы повторить удачный путь. Теперь все мы уже не наблюдатели. Полно работы в рыбцехе...»

Весь этот рейс нам сопутствовала удача, но полные тралы уже не так радовали меня, как этот первый трал. Все время что-нибудь ломалось в рыбцехе, и я возился с поломанными чанами, с транспортерами, чистил мукомолку, и так пропахла моя роба рыбой и аммиаком, что я раздевался перед дверью своей каюты, а мозоли на руках у меня не сходили. Но все равно, я считал, что мне повезло, и, вычеркивая на настенном календаре очередной день, не торопил окончание рейса, хотя и длился этот рейс полгода.

Госпожа удача

Сейнеры флотилии бежали параллельными курсами. Корабельные носы вздували белые буруны. В сумерках силуэты судов расплывались, и только эти крутящиеся шары-буруны были отчетливо видны, и, казалось, летят над водой белые рыси, рвущиеся за добычей. Бег на юг кавалькады судов возглавлял сейнер капитана Ломакина. Капитан напряженно всматривался в ночь, в бегущие огоньки за кормой, и хотел верить, что бег этот не напрасен. Люди устали от прологов, ничто так не убивает, как постоянство неудач. Он знал, что если флотилию и в новом районе ждут неудачи, спросят с него. И никакие прежние заслуги не пойдут в зачет. Если окажется, что и на юге нет рыбы, заклюют. Ушли с насиженного, вдоль и поперек перепаханного района, затратили топливо, время. Кто виноват? Второй любимый вопрос после: «Что делать?» И еще одно правило – инициатива наказуема. Если это правило выполнять, можно встать на якорь и ждать у моря погоды. В награду тем, кому не терпится, бег в ночи и вторые сутки без сна. Сначала переход, потом нервное напряжение поиска.

Эхолот начал писать рыбу в пять часов утра. Флотилия резко замедлила свой бег, суда замерли, как будто наткнулись на незримую преграду. Акустик склонился к экрану локатора, придерживая бороду рукой. За штурвалом матроса-рулевого сменил старпом. Ломакин встал бы сам за штурвал. Но было много иных забот. Волосы его растрепались, куртка распахнута. Эхолот дал двойной звук, сигналы его натолкнулись на рыбы спины, и перо самописца провело жирную черту, рядом другую, еще и еще – плотный сплошной косяк! И истошный крик старпома: «Впереди заметал!» И в крике такая обида, словно вытащили из кармана все деньги. Понять можно. Мчались первыми к столу, да ложку не успели во время вытащить. Вот тебе и госпожа удача! Кто первый в мешок, тот последний из мешка...

Прямо по курсу вспыхнули оранжевые огоньки – сигналы судна, выметывающего невод. «Где твоя хваленая реакция? Заходи на ветер!» – это окрик Ломакина. У старпома краснеет шея. Внизу на палубе и на кошельковой площадке все готово для замета. В эфире стоит невероятный шум, возбужденные голоса забивают друг друга, все вышли на рыбу, всем хочется быть первыми. Теперь будут мешать друг другу, перепутаются снасти – этого не избежать. Ломакин стучит кулаком по планширю. Сейнер прыгает то вправо, то влево. Кажется, на резких поворотах он извивается как змея. В его движениях повторение путей косяка, напуганного шумом винтов. Там в глубине, где нет качки, мечется рыба. Сейнер взлетает и низвергается на волнах. Мачта возносится к звездам, чертит огнями немыслимые эллипсы, ввинчиваясь в Млечный путь. Растревоженные утренние звезды мечутся по небу. И, когда на крутом вираже мачта устремляется к самой воде, созвездие Ориона, стоявшее над головой, исчезает за противоположным бортом. Ломакин не замечает этой сумасшедшей качки. Ноги вросли в палубу. «Пошел невод!» – выкрикивает он долгожданную команду.

В свете прожектора видно, как пластмассовые наплава образуют в воде двухрядную дорожку. Сейнер убегает от нее, а впереди летит в темноту розоватый буй с сигнальным огнем – ориентир в бешеной пляске. «Косяк! Где косяк? Когда я научу вас работать?» – кричит Ломакин акустику. «Левее», – отзывается акустик. «Что же сразу не сказал!» – Ломакин с трудом сдерживает себя – руганью делу не поможешь. Его раздражает медлительность акустика, неповоротливость боцмана, нерешительность старпома. Нельзя упускать косяк! Ломакин достает ракетницу и стреляет в сторону левого борта, чтобы отпугнуть косяк, не дать рыбе уйти под килем. На мгновение мир вокруг становится изумрудно-зеленым. Зеленые лица матросов, зеленая палуба. Погасала ракета и снова сомкнулась тьма. Невод уже замкнули, вытащили буй, закрепили крючьями и начали подбирать стяжной трос.

Светало. Вокруг в успокоившемся водном пространстве лежали сейнера, и желтые наплава неводов, как ожерелья колыхались на поверхности. Начали стягивать невод. Матросы,

укладывающие сеть на кошельковой площадке, стояли под сплошным потоком воды, стекающей с сетного полотна. Ломакин спустился вниз. Сквозь толщу воды было видно сетное полотно, оно казалось то желтым, то ярко-голубым, чувствовалось, как там внутри шебуршит, вздрагивает и бьется рыба. «Есть голубушка, есть, хо-хо-хо! – звучно кричит старпом. – Тонн сто, прокляните меня, если меньше! Это я навел на косяк! Чтобы вы делали без меня!» И акустик тут же: «Ловко мы косяк засекли!» Ломакин молчит. Ему бы тоже хотелось кричать: Смотрите, это я привел флот на рыбу! Но у него другие заботы – подойдет ли база вовремя, не помнется ли рыба в кошельке. Он вскакивает в рубку, настраивает радиостанцию. Сквозь потрескивания в эфире голос начальника промысла: «Вы чем думали, когда метали? Куда мы эту рыбу денем? У транспортов забиты трюма! Вы ответите за все!» Спорить с начальством на слуху у всего промысла – последнее дело. «Победитель не получает ничего». Надо сказать угодливо – это же вы предложили идти на юг. А лучше всего промолчать. Плавбазы уже в пути. Никто не может отнять радость успеха. И все же обидно...

Ломакин выходит из рубки. В прозрачном воздухе все кажется невесомым, четкой границы моря и неба нет. Сейнер, освещенный солнцем, купается в голубом просторе. И вокруг все усиливается шуршание – это трутся спинами друг о друга сардины, стянутые в кошельке. Штилевое утро, как награда за дни пролова, за бессонные ночи. Только бы рыба не залегла в кошельке, только бы успела плавбаза...

Морской учитель

Грешен, я тогда не мог и не хотел его понять. Вместе с мукомолом я осуждал учителя, не желавшего уходить с борта траулера, закончившего свой рейс. «Он вообще с прибабахом! Три года без берега, чокнутый!» – сказал мукомол, теребя обвислые усы, делающие его похожим на моржа и Ницше одновременно. Потом он медленно нацедил в стаканы остатки мутноватого самогона. Плавбазу нашу сильно качало и пустая бутылка, скользнув со стола, перекачивалась от переборки к переборке. Я признался мукомолу, что знал учителя еще на берегу и даже знал его жену Киру – яркую, крашенную брюнетку с полными губами, она работала у нас в техотделе. «Ах, – эта...» – с растяжкой процедил мукомол и стал, сам себя распаяя, обвинять во всем женщин. Я заснул под его непроходящее ворчание и привычный шум волн. Утром качка усилилась, к тому же стал накрапывать дождь. После промсовета я вышел из рубки и хотел пойти в каюту, когда увидел, что боцман машет мне рукой и показывает на пришвартованный к нам траулер.

На палубе траулера стоял, вцепившись в леера, человек в телогрейке и что-то кричал мне. Я спустился по трапу и прильнул к фальшброду. Кранцы визжали, сдавливаемые напором бортов, вода в тесном пространстве между нашей плавбазой и траулером вскипала белой пеной. Траулер то возносило вверх, то резко бросало вниз. И когда наши борта поравнялись, я узнал учителя. Его щербатый рот был раскрыт, он старался перекричать скрип кранцев, я с трудом разбирал слова.

– Письмо! – сумел разобрать я. – Письмо Кире! Передашь? Давно не было ничего от нее.
– Конечно, конечно, передам! – крикнул я.

И тогда он удалился с палубы, видимо, пошел писать своей Кире. У капитана я узнал, что топливо на траулер будут подавать еще часа четыре и что туда пойдет грузовой помощник. Я сказал, что тоже хочу переправиться вместе с ним. «Зачем тебе это, в такую болтанку?» – спросил капитан, но отговорить меня не сумели ни он, ни старпом.

Переправа была действительно рискованной. Мы долго болтались в воздухе на сетке, ухватившись за троса, пока лебедчик, не поймав момент, резко стал майнать. Палуба траулера ухнула вниз. Сетка понеслась за ней. И мы с грузовым помощником почти одновременно соскочили с сетки, точно угадав то мгновение, когда траулер завершил свое падение.

Учитель был среди матросов, сгрудившихся подле сетки. Мы обнялись и сразу же пошли в его каюту. Он скинул телогрейку, поставил чайник и стал засыпать меня вопросами. Я ничего толком не мог рассказать ему.

Его лицо казалось мне неподвижным из-за поврежденного глаза, тот глаз смотрел на меня не мигая, и в нем затаилась осенняя тоска.

Когда-то на берегу был такой период, когда мы довольно часто встречались. В его семье любили гостей, люди были разные, в основном причисляющие себя к интеллектуальной элите города, подолгу сидели на кухне, пили сухое вино, вели длинные и рискованные даже по тем временам разговоры. Мы были бездумны и молоды. Учитель любил проповедовать, но мы не всегда внимали его словам. Жена его врывалась вихрем на кухню, она была моложе учителя лет на пятнадцать, ей хотелось расшевелить всех. Он ревниво наблюдал своим застывшим взглядом, как она танцевала с очередным гостем, как на виду у всех раздавала быстрые поцелуи. Ее ярко накрашенные губы оставляли следы на разгоряченных щеках гостей. Шел конец восьмидесятых, царило предчувствие свободы, ксерокопии некогда крамольных книг в открытую передавались друг другу. Мы хмелили от собственной смелости.

Сейчас, в полутемной каюте, согревая себя крепко заваренным чаем, мы с учителем пытались вспомнить то время. «Столь долго ждать свободы и теперь уйти от нее, стать морским скитальцем? Почему?» – задал я мучающий меня вопрос. Учитель ничего не ответил.

Потом, прикусив губу, сказал: «В этом письме Кире я пытаюсь объяснить происшедшее, она ведь тоже ничего не хочет понять. Она перестала отвечать на мои письма». Я взял из его рук пухлый конверт и положил в боковой карман своей куртки.

О сыновьях своих, их было двое, почти одногодки, он ничего не расспрашивал, да и я не смог бы ему что-либо сообщить. После его ухода в рейсы я ни разу не бывал в их доме. Слышал только, что один из сыновей уехал учиться в Штаты. Возможно, думал я, именно эта учеба, требующая немало денег, и заставляет учителя безвылазно скитаться по морям, переходя с одного траулера на другой. Может быть, он боится потерять место, думал я тогда, сидя в его каюте.

Время свободы и распада. Крупные наши рыбацкие конторы превращались в отдельные фирмы, эти фирмы сдавали траулеры в аренду, а то и вовсе списывали на металлолом. Под чужим флагом ходить было непривычно, но все скрашивали заработки. Платили в баксах. Но даже за самые большие баксы я не смог бы заставить себя ходить годами, не прерывая рейсы отпусками. Правда, после отпусков приходилось подолгу обивать пороги конторских кабинетов, где увешанные бриллиантами дамы смотрели сквозь тебя и ждали, какую сумму ты предложишь. Меня выручали друзья, ставшие хозяевами рыбацких фирм, а каково было ему, во-первых, человек в годах, во-вторых, профессия не морская, да и кому нужна заочная школа моряков в наших новых фирмах, жаждущих быстрой наживы?

Пытаясь как-то расшевелить своего собеседника, я заговорил о рыбацких новостях – о датчанах, нанявших кошельковые суда, о застрявших в Сьера-Леоне рефрижераторах, на которых разорившаяся фирма вот уже полгода не может расплатиться с экипажем. Но вскоре я почувствовал, что все эти новости мало волнуют моего собеседника.

– Сами мы этого хотели, помнишь, нам не хватало свободы, – сказал он тихо, – а свобода живет внутри нас, об этой внутренней свободе мы не догадывались...

– Но вы же сами сделали себя несвободным, – сказал я.

Он впервые за нашу встречу улыбнулся, и даже его неподвижный, пугающий меня взгляд, казалось, осветился каким-то неясным блеском.

– Можно ли жить, лишая себя земли, – продолжал я, – можно ли, как Иона, застыть в чреве кита, лишь бы не возвращаться в Ниневию, лишь бы не проповедовать язычникам Божье слово!

– Ах, Иона, – оживился учитель, – самое мудрое библейское сказание, но не для меня, у меня, в отличие от Ионы, слишком много учеников. Правда, им никакого дела нет до Ионы...

Он повернулся к иллюминатору, теперь я не видел его застывшего глаза, в профиль он выглядел много моложе своих лет, и я почувствовал, что живет в нем несгибаемая уверенность в своей, ему единственному доступной правоте.

– Но почему надо искать учеников в море, есть сельские школы, можно и на земле уединиться, можно попробовать, и там все начать с нуля! – предложил я.

Я стал говорить ему о запахах душистой, свежескошенной травы, о тишине деревенских рассветов, о трепете листьев на березах, о солнечных полянах, скрытых среди ельника, о белых грибах, прячущихся в густой траве, о родниковой живительной воде...

Он слушал меня, не перебивая, прикрыв глаза, очевидно, мысленно уходя в тот далекий земной мир, которого он сам себя лишил. Мне даже показалось, что его глаза повлажнели. Но когда я закончил, он поднялся, приник лицом к иллюминатору и спросил: «А что здесь, в море, мало завораживающих красот? Дело лишь за малым – надо суметь удержать увиденное внутри себя».

Я не мог возразить ему, я ведь тоже любил море – эту бесконечность вод, меняющих свой цвет, эти неповторяющиеся закаты, и блики солнца на гребнях волн, и кружево этих волн, и гортанные крики чайки, и мечущиеся по небу крупные и яркие звезды...

Я готов был тогда согласиться с учителем – мир мы несем в себе, все отражается в нас, и остается или не остается – на то наша воля. Есть и ещё такое понятие, как жертвенность, уметь лишать себя многого для того, чтобы близкие тебе люди – жена, сыновья не знали забот...

И все же, как часто мы стараемся навязать другому человеку свои решения, нам кажется, что только мы правы. Я ведь полагал в ту нашу встречу, что мне надо спасти учителя, что надо вернуть его на землю, к нормальной человеческой жизни, мне казалось, что он слишком стар, что он не сможет более выдерживать длительные изматывающие рейсы, тем более, что вот этот его траулер идет на криля к Антарктиде.

– Есть такой вариант, – предложил я, – давайте со мною сейчас переправимся на плавбазу, у нас вскоре будет заход в Дакар, и оттуда вы сможете самолетом вернуться в порт, я берусь все это оформить, там, в Дакаре, в нашем представительстве командует мой институтский товарищ...

– Мир полон соблазнов... – начал учитель, но его прервал буквально вскочивший в каюту наш грузовой помощник, который, уладив все дела с приемом груза и сдачей топлива, видимо, хорошо отметил это событие. Острый его нос покраснел, а глаза постоянно моргали.

– Ну, вы даете! – крикнул он. – Признавайтесь, сколько бутылок хлопнули? Я по всему судну вас ищу. И у буфетчицы был, и у кастелянши, и к капитану ходил! Сетку же давно подали!

Я стал прощаться с учителем. Он хотел было пойти провожать, но я отговорил его. Только еще раз успел переспросить о том, что он думает о моем предложении. «Пустое все это», – отозвался он и махнул рукой...

Едва мы с грузовым помощником ступили на сетку, как ее вознесло вверх, мы вцепились в троса. Под нашими ногами две громадины – траулер и плавбаза, словно две чаши весов, то поднимались, то опускались, соревнуясь, кто занырнет глубже. Лебедчик долгое время не мог поймать удобный момент. Грузовой помощник, перегнувшись вниз, орал на него. Наконец резкий рывок, и мы спрыгнули с сетки на ускользавшую из-под ног палубу.

– Замотался, в корень-душу! – крикнул грузовой помощник. – У твоего мукомолы не оскудели запасы?

Пришлось пригласить грузового помощника в каюту. Мукомол спал, уткнув лицо в стол. Я нацедил из большой бутылки самогона. Грузовой помощник выпил единым глотком, только кадык дернулся на его тонкой шее.

– Хороша, – протянул он, уселся за стол, ожидая продолжения, и стал говорить об учителе.

– Ну и чудик, – сказал он, – они же во льды идут, а у него даже теплой одежды нету, собирали ему – кто что мог, дал. И зачем ему этот рейс, никто не понимает. Там, на траулере, всего два ученика. Один из заочного юридического. Тот, правда, доволен. Говорит, второй рейс с этим чудяком, в жизни, мол, на берегу не нашел бы такого учителя. О чем не спросишь, все знает. Ну и чудак!

Очнулся мукомол, поглядел на нас осоловелыми глазами и быстрым движением разлил по стаканам остатки самогона. Мы выпили, закусив маленькими дольками соленого огурца. Мне было как-то неуютно в их компании и я порывался уйти. Вот ведь, корил я себя, не догадался собрать для учителя теплые вещи, у меня же свитер есть, зачем он мне здесь, в тропиках. Я залез в рундук, вынул свитер, но в это время по трансляции объявили, что траулер отходит от борта.

– Чего ты о нем так заботишься, – поглаживая усы, сказал мукомол, – его баксы греют, на криле, знаешь, сколько можно отхватить, считай по куску в месяц!

– Если бы, – засмеялся грузовой помощник, – ему ведь давно никто не платит, уже, почти год, как заочная школа лопнула. Кореш мой, который на юриста учится, рассказывал. Харч, конечно, на траулере бесплатный – вот и все удовольствие!

Боже мой, удивился я тогда, неужели это все правда? Надо вернуть учителя, немедленно вернуть. Я бросился из каюты на верхнюю палубу. Но было уже поздно. Траулер медленно отваливал от нашего борта. Полоса бурлящей воды между нашими судами все увеличивалась и увеличивалась.

На верхней палубе траулера, прячась за крыло ходовой рубки, кутаясь в телогрейку, стоял учитель. Я уже не мог ничего сказать ему, любые мои крики были бесполезны, я даже не мог различать его лица. Мы замахали друг другу руками. Протяжно загудел тифон. Траулер прощался с плавбазой. И когда он, постепенно удаляясь, затерялся среди волн, внезапно солнце прервало пелену туч, и море успокоилось на глазах, словно глыбы вод, приняв долгожданную жертву, прекратили возмущаться.

К вечеру солнце садилось уже в совершенно штилевую воду, окрасив горизонт и поверхность моря в багровый цвет.

Этот мой рейс через месяц закончился, и по приходу в порт я тотчас направился на ту улицу, где был памятный мне дом, чтобы вручить Кире письмо от морского скитальца. Дверь мне открыл совершенно незнакомый старик и на вопрос мой о Кире сказал: «Не живут уже здесь такие, с полгода, почитай, не живут. В Америку они съехали!»

Кораблики рыбацкого флота

Перед рассветом выйти на балкон, когда все окутывает пелена плотного тумана. Не видно ни зданий, ни огней проезжающих машин. Вдали угадывается невидимое море. Право руля. Так держать. Курс прежний – ход задний. Где матрос-рулевой? Опять спит на вахте. Вот так и проспала флот! Буфетчица! – Горячего кофе в рубку! И буфетчицы тоже не дозовешься. Сопение в комнате за спиной, привычное ворчание: «Ночь уже, когда же все это кончится?» Пора выбирать трал. Надрывно визжат лебедки. Трал вползает на слип. Тугой, как перекаченный баллон. Покрытый слизью молоки. Подойти, потрогать. Дернул за шворку – и хлынул поток. Осторожней, собьет с ног! Эй, боцман! Где ты, боцман? Куда подевались все добытки? Палуба пуста, словно всех ветром сдуло...

Придется спускаться вниз. Опять все ушли греться в мукомолку. Лестница не освещена, запах гнили и мочи. Конец ноября. Гололед. Надо держаться за леера, чтобы не упасть за борт. Нет лееров. Зато столько огней впереди. Похоже, что вышел в иностранном порту. Зеленые, голубые, красные буквы скачут сквозь пелену тумана. Открыто круглосуточно. Буфетчица купила себе магазин. Вот она развалилась на стойке. Глаза посоловели. Руки в кольцах, на смуглой шее золотое кольцо. «Это вы, капитан? Будете здесь или возьмете домой?» – И здесь, и домой – разве она не понимает. В углу дремлет бомж. Закутался в драный шерстяной платок, наружу торчит свекольный нос и обвисшие усы. Ноздри со свистом вбирают воздух. «Феоктистович – начальник всего промысла», – узнает бомжа капитан. Скучно одной ночью, жалуется буфетчица. И оправдывается: сам же ты нас и свел... А иначе было нельзя, вспоминает капитан. Послал к нему в каюту – обслужи по полной программе. Неделю с него не слезала. Пока рыбу не сдали. Бывало раскричится: «Всех поувольняю! Визы закрою. В резерве сгною!» А потом выкарабкался на палубу, еле на ногах стоит. Штаны не топорщатся, в лице ни кровинки. Прохрипел жалобно: в ближайший порт заход объявляю. А первый помощник уже донос послал. Перехватили пакет у Канар... Помогли японцы. Послали свой катер. С японцами пили неделю, потом завели сеть у борта и окунали всех по очереди. Морской вытрезвитель. Спор двух держав – что сильнее самогон или sake...

В Июкогаме на верфи тоже вспоминают. Хорошо было купаться в океане. Бригадир Исиката передвигается на люльке вдоль борта траулера. Мелькают синеватые огоньки. Металл медленно плавится. Такая толстая обшивка – ее не разрезать сразу. Сварщики облепили корпус как муравьи. У русских очень жгучие напитки. Пьют стаканами. Надо понемногу и смешивать с водой. Вместо гейши – буфетчица. Грудь, как два холма. И все наливает и наливает. «Эй, Исиката, не спи!» – кричит бригадир, он похож на русского начальника – такой же свекольный нос и обвисшие усы. Бригадир Хакимото очень хитрый бригадир. Купил траулер почти даром. Принес русскому начальнику ящик sake и подарил «панасоник». Русский включил музыку, выпил два стакана и сразу стал очень добрым. Обнимал Хакимото, целовал его. Хакимото испугался. А вдруг – голубой. В Японии это не принято. Говорил: «Большой начальник, Феоктистович, я тебе за траулер еще две бутылки поставлю! Sake из Кандзуры! По рукам!» Хакимото в Москве учился, мог так сказать. Хоросо! А что из траулера сделаем? Нет, не бойся, не ракеты! Конечно, иголки... Иголки везде нужны. Жена твоя, Феоктистович купит, спасибо скажет...

Феоктистович проснулся, заворочался в углу, руку из-под шали вытянул. Жена? Какая жена, вот мой дом, здесь, в «комке». Ждал, когда стакан подадут. Только капитан ему протянул стакан, как выскочил из-под прилавка сантехник и перехватил. Откуда здесь сантехник появился? – удивился капитан. – Наверное, бывший стармех... «Я кафелем ему бассейн заделал!» – похвастался сантехник. Сам маленький, а руки огромные, все в белилах. И лицо тоже белое. Ключ раздвижной вынул из своей сумки, стал прилаживать к ноге. «Хочет ногу про-

дать, – вздохнула буфетчица, – все, что мог, уже загнал. Почти как наш Феокистович!» Сантехник всосал водку одним глотком. Феокистович проглотил слюну и застонал. «Раньше надо было думать, – сказала ему буфетчица, – зачем фирму банкротил?» Он закрылся шалью и промычал: «Это не я, это Сартюкович...»...

Сартюкович сидел в полотняном кресле на берегу Адриатики и кормил чаек. У ног его лежали две нимфетки и сосали мороженое. Красный круг солнца расплывался на горизонте, готовясь нырнуть в воду. Сартюкович встал и огладил свою волосатую грудь. Нимфетки принялись отгонять чаек. Выпроводив нимфеток, всю ночь пересчитывал наличные – хрустящие зеленые и синие бумажки. Отделил доллары от марок. Из марок сделал бумажные кораблики. Пускал их в ванне. Кораблики не хотели тонуть. Подумал: вовремя я снял наличку. А ведь были умники – не хотели продавать траулеры. Не хотели ходить под чужим флагом. А какая разница? Нацепил на мачту панамский – и никаких налогов! Ванна огромная и круглая – что-то среднее между бассейном и лесным прудом. Ароматизаторы наполняют пространство запахом сосен. Сартюкович нырнул и в воде успел сосчитать до семидесяти... Бумажные кораблики поплыли в Японию...

На Адриатике наступило утро. ...В Японии Исиката вернулся с работы и выпил первую чашечку sake. В городе капитана давно уже отобедали. Буфетчица спала после ночной работы. Феокистович обходил урны, специальным крюком шевелия их содержимое. Капитан выслушивал ворчание жены. Думал – надо было уйти под удобным флагом. Не смог перебороть имперское сознание. Ходить под чужим флагом все равно, что передвигаться под чужой юбкой. Жена стоит на своем: какое нам дело до флага? Надоело. Столько лет носила на всех демонстрациях! Вон, сосед, за один рейс схватил столько баксов, что нам и не снилось... Ответил ей мысленно, чтобы не ввязываться: соседу повезло, а где сейчас соседа траулер – арестован за долги. Ты хоть представляешь, что значит торчать в чужом порту без копейки. Фирма – банкрот. Панама молчит. Москве тоже никакого дела. Отвечают – вы ходили под чужим флагом. Жара. Полгода страшного потного сна. Жена не хочет ни во что вникать. Она своё гнёт: «Позавели себе в тех портах негритянок, научились всяким извращениям, пропили расчет, а сосед – трезвенник, сосед не пил, флот пропили...» У ней свои понятия, что с неё возьмёшь? Остается одно: как страус в песок, голову под подушку, уши сжать. И тогда тоненько зазвучит флейта и начнется цветной карнавал. Рио-де-Жанейро. На тебе белые шорты. Мулатки с крутыми бедрами. Бьют тамтамы. Шоколадные сладкие груди. Для русских моряков бесплатно и без очереди. Мир, дружба... Свобода, равенство, братство...

И возвращение. Оркестры на причалах. Сам секретарь обкома со свитой. Все поздравляют. Финкельштейн раздает аванс. Детскими ручками выкидывает на стол пачки сторублевков. Конторский клоп с красной лысиной. Очень доволен. Планировали убытки – два миллиона, оказалось – всего-то каких-то пятьсот тысяч! Зато рыбу стране, хоть мелкой, но много. Через весь океан везли. У себя в заливе не ловили, в реках тоже не ловили – там всегда успеется. А эта из океана – ничья, не мы поймаем, так японцы. А с какой стати им отдавать. И не наше это дело, где ловить. Аванс получили и довольны. На причале жены с детьми. Караулят. Кричат...

Подушку вырывает, руки отжимает от ушей. Никуда не денешься. Лицо расплывшееся, заплаканное. «Иди в кадры, поклонись, целый год уже торчишь здесь!» В кадрах делать нечего. «Тысячу баксов давай – пойдешь в рейс». Заработаю – отдам. «Знаем ваши обещалки! Думаешь это мне одной – начальнику порта дай, фирме половину отстегни, лоцману – тоже надо, а про Регистр забыли?..» Я согласен идти в рейс под любым флагом. «Поздно, надо было раньше соглашаться!» Скорее бы ночь. Ночью жена спит и к балкону подступает молчаливое море...

Прекрасны ночи на Адриатике, где крупные яркие звезды смотрятся в штилевое теплое зеркало вод, уютны и тихи ночи в Японии, где огни больших городов делают их светлыми и спокойными, но нету ночей лучших, чем в городе, где живет капитан, ожидающий рейса, ибо

что может быть таинственней, чем полосы туманов, лежащих на побережье и скрывающих все печали. И можно всегда отыскать силуэты кораблей в этой ночной дымке...

Сирена

И вот пришел день снятия с промысла. Мы должны были начать движение рано утром, но нас словно магнитом притягивали остающиеся траулеры. И все это из-за наших полупустых трюмов. Нас догружали рыбой, добытой другими.

Заканчивался самый неудачный из моих рейсов. К вечеру пошел проливной дождь. Шум дождевых потоков сливался с плеском волн и с журчанием ручейков, устремлявшихся с промытых палуб в шпигаты. Я стоял под крылом мостика, сырость пропитала меня насквозь, но возвращаться в каюту, где мой напарник – сменный тралмастер – угощал добытчиков самогоном, мне не хотелось. Я знал, что предстоит еще одна бессонная ночь, вся в пустых полупьяных разговорах, в бессвязных восклицаниях, в жалобах на судьбу. Здесь же я был в одиночестве, отделенный от всего мира стенами ливня. Монотонный шелест и журчание обволакивало меня. И вдруг я скорее почувствовал, чем услышал, как нечто чужеродное вплетается в шорох дождевых струй. Это было все время нарастающее фыркающее тархтение. И тут я разглядел, как, прорываясь сквозь пелену дождя, подскакивая на невидимых волнах, к нашему борту приближался катер. И тотчас вспомнил, что капитан говорил о трех пассажирах, которых ему навязали, и что фельдшер наш, за весь рейс так и не получивший никакой практики, вчера суетливо готовил каюту, считавшуюся у нас лазаретом, и разгораживал ее ширмой.

Катер приблизился почти вплотную к борту и долго подпрыгивал рядом с траулером, пока его заметили из штурманской рубки и что-то закричали в мегафон. Потом, чертыхаясь, выполз на палубу боцман, а за ним еще несколько человек из команды. Они стали спускать трап. Они переговаривались с теми, кто был на катере, все действие проходило палубой ниже, и мне был виден только краешек борта, но именно тот, где должны были появиться пассажиры, да широкая спина боцмана, крепившего трап. Несколько наших добытчиков стояли на промысловой палубе. Несмотря на дождь, они вышли к борту, согнулись у планширя, что-то там внизу приковало их взгляды, потом я увидел и других наших матросов, казалось, они совершенно не замечают дождя.

Наконец там, внизу, началось какое-то движение, и через фальшборт перебрался первый пассажир. Это был совсем молодой парень с рыжей бородкой. Промокший насквозь, он вздрагивал, жался, словно попал не под тропический ливень, а под осенний колючий дождь. Потом к борту бросились сразу несколько наших матросов, протягивая руки следующему пассажиру. И тогда появилась женщина. Темные промокшие ее волосы были перевязаны голубой лентой, тонкой рукой, оголенной по локоть, она ухватила за лапищу нашего боцмана, и тут я наконец разглядел ее лицо, расширенные иконописные глаза, казалось, были устремлены только на меня. В жизни я не видел ничего более прекрасного. Почему я не рядом с боцманом? Почему не спустился палубой ниже, чтобы протянуть ей руку? Представляю, как страшно было ей взбираться по скользкому раскачивающемуся трапу, как тяжело сейчас перебираться через фальшборт. Вот она перекинула одну ногу, стройную, загорелую, омытую дождем, дотянулась до палубы, юбка ее высоко задралась, на мгновение мелькнула белая полоска трусов, боцман обнял ее, помогая встать на палубу, и вот она в сопровождении старпома поднимается сюда, к тому месту, где я стою. Конечно, сюда, ведь путь в лазарет только здесь. Мой взгляд не отрывается от ее глаз. Она потрясающе красива. Словно Афродита, рожденная из морских глубин. Я прижимаюсь к надстройке, давая ей пройти. Мокрая кофточка облегает ее упругие груди, сквозь дождь я чувствую аромат духов, запах ее тела. Я молча провожаю ее взглядом. Все мы смотрим ей вслед, не замечая идущих с ней двух других пассажиров – молодого дрожащего парня с рыжей бородкой и длиннющего, словно баскетболист, юношу с бледным лицом...

Вечером на траулере говорили только о пассажирке. Шесть месяцев мы почти не видели женщин, за исключением зубного врача, которая пробыла у нас двое суток, затратив на наше

лечение часа два и остальное время проведя безвылазно в каюте капитана. Но разве сравнишь ту врачиху с нашей пассажиркой! Все уже знали, что пассажирку зовут Марией. Это прекрасное имя, как никакое иное, подходило ей. В салоне за нашим столом было два свободных места, и мы с моим напарником очень надеялись, что именно к нам за стол посадят Марию. Ночью мы не могли уснуть. Напарник мой, старый морской волк, вспоминал океанские романы. И то, как ему всегда везло, и что если даже три женщины были на траулере – одна из них была всегда его. «Проклятый рейс, – сказал он, – мало того, что нет заработка, так еще додумались вытолкнуть нас в море без женщин! Как это потрясающе – обладать женщиной в море, когда постель твою слегка покачивают волны, и вокруг такой простор, и плеск волн заглушает ее крики. И потом ты знаешь, что она проверена и можешь ничего не опасаться!»

Я уснул под шум дождя и монотонные воспоминания напарника. Мне снилась Мария, она парила надо мной в просторном зале, ее обнаженное смуглое тело пахло полынью, я тянулся к нему, я звал ее, я задыхался, вдруг я почувствовал, что лечу ей навстречу, это было поразительное сладкое парение, и в тот момент, когда мы сблизились, она отчаянно закричала. Я проснулся. Но крик этот продолжался, он стоял в моих ушах. Это пронзительно гудел тифон, мы прощались с судами, остающимися на промысле, нам оставалось семь дней хода до берегов Европы, потом еще дня четыре. И я понимал, что теперь уже не хочу столь скорого возвращения...

Утром я долго торчал в коридоре, откуда была видна дверь каюты-лазарета. Пассажиры так и не появились. Я был не один, кажется, все наши матросы сгрудились в этом коридоре, а старпом несколько раз заходил в заветную дверь и о чем-то долго шушукался с фельдшером, который тербил свои пышные усы и разводил руками. Сколько бы я дал за то, чтобы она сейчас вышла, чтобы мы остались одни на траулере, чтобы траулер этот стал летучим голландцем. Но мольбы мои не были услышаны. После обеда я один продолжал нести свою вахту в коридоре...

В салоне я появился только к ужину и сразу почувствовал какую-то напряженную атмосферу. Не слышно было привычных шуток. Все молча и как-то неохотно ели, на мой взгляд, очень аппетитные бифштексы. Я ощущал голод и с удовольствием набросился на свою порцию. Я был уверен, что завтра обязательно встречу Марию, первый день – конечно, им нужно отдыхать, прийти в себя, а завтра мы будем вместе, и еще целых десять дней вместе, и на берег мы сойдем вместе...

Мечтания мои прервал зычный бас боцмана, который почему-то набросился на начпрод. «Пусть им готовят отдельно, ты понял, пусть отдельно, – кричал боцман, – и пусть не появляются нигде, ты понял?» «Что ты ко мне пристал, говори с капитаном», – испуганно бормотал начпрод...

Я вышел на палубу, дождь прекратился, бескрайняя гладь океана окутывалась темнеющим небом, след, оставляемый нашим траулером, как бы разрезал пространство надвое, последние верные нам чайки еще пытались парить за кормой, огни промысла едва мерцали на горизонте. Ни в одном из иллюминаторов не горел свет. Я спустился в каюту, мой напарник сидел в темноте. На столе стояла початая банка браги. «Прекрасный вечер, – сказал я, – не хочется спать, так бы и стоял на палубе и смотрел, как появляются звезды!» Мой напарник тупо посмотрел на меня и выругался. «Ты чего, не допил что ли? – спросил я. «Да пошло бы оно все на хрен, и это море, и эти звезды! Последний рейс, и в гробу я все это видел. С моря, да еще сразу привезти!»

Он протянул мне стакан, я отпил немного, нельзя было оставлять моего напарника в таком состоянии. К концу рейса у многих не выдерживают нервы. «Послушай, что с тобой? В чем дело?!» – спросил я.

– А, ты еще не знаешь, – протянул он, – сделали нас круто, воткнули на борт спидоносцев!

Смысл его слов не сразу дошел до меня, но вдруг занемели ноги и я с трудом опустился на койку. «Не может быть, – выдохнул я, – не может быть, затравил кто – нибудь по злобе!» Ну конечно, мысленно успокоил я себя, стал приставать к Марии старпом, иначе от него не отвяжешься. Я привстал с кровати, вцепился в рукав своего напарника. «Кто сказал тебе это? Кто сказал?» – заорал я. «Ты что, взбесился? Радиограмма была у радиста. Прижали фельдшера, тот все на капитана валит. А шеф напился и в каюте заперся, умник дерьмовый. Подставил он всех нас...» «Успокойся, – сказал я, – как ты можешь заразиться? Ты что, по старой привычке, увидел женщину – и она должна быть твоей?» – «Идиот! – крикнул он. – Ты еще ничего не понял! А если завтра тебя прихватит, если аппендицит, наш лепила и тебе укол вмажет той же иглой, что и им. Да комар их укусит, и тебя тоже – вот и привет!»

Как мог, я старался урезонить своего напарника, объясняя, что не через укусы, не через иглу, если ее прокипятить, ничего не передается. А ночью сам проснулся в холодном поту. Ведь я же был первым, кто мог попасться... Выйди она, кивни только мне, и я пошел бы за ней куда бы ни позвала, ведь еще несколько часов назад мне казалось, что я наконец-то обрел любовь... Потом этот страх за себя сменился страхом за нее. Эти двое, которые тоже заражены, не ею ли? Они сейчас вместе, они выясняют, они могут расправиться с ней, выбросить ее за борт, покалечить. Значит, она и с тем рыжим, и с другим – фитилем, а может быть, они втроем, нет, нет, она не способна на это, это наверняка рыжий, сходил в бордель в Фритауне или подцепил уличную дешевую проститутку. Я пытался оправдать ее, и в то же время начинал ощущать, подступающую к самому горлу злобу...

На следующем день траулер превратился в плавучий ад. Даже самые молчаливые матросы кричали, чтобы капитан вышел из каюты. Когда он так и не появился, стали требовать старпома, чтобы тот немедленно высадил пассажиров. «Где я вам возьму госпиталь? – отбивался старпом. – В порт захода никто не даст, на шлюпку их что ли или в океан?» – «А хотя бы и так! – крикнул боцман. – Учти, шеф, народ на взводе, выкинут их ночью к трепаной бабушке! А то они и сами друг другу глотки перегрызут!»

Целый день все выясняли отношения. За ужином никто не притронулся к еде. Мы стучали по столу мисками, требуя выхода капитана. Но тот так и не появился.

Ночью я никак не мог уснуть, меня раздражал храп моего напарника и удушливый сивушный запах, стоявший в каюте. Я решил выйти на палубу и отдышаться там в тишине. Было прохладно, мы отошли от тропиков миль на триста. Тихая штилевая погода способствовала нашему ходу. Ветерок рождался лишь нашим движением, и все же, чтобы не замерзнуть, мне пришлось укрыться за судовую трубу. Не хотелось ни о чем думать. И вдруг я услышал почти рядом с собой женский голос. Он был переливчат, словно слова не говорились, а пелись, словно встала на пути корабля сирена и заманивает меня. Я должен был бы заткнуть уши, как Одиссей, но напротив я пошел на голос, я стал вслушиваться в слова – и слова эти были созвучны моим мыслям: «Я не хочу жить, я хотела бы раствориться в этой штилевой воде, чтобы душа моя стала чайкой, мне не нужно тело, оно опротивело мне...» И тут мужской голос стал успокаивать: «У тебя самое прекрасное тело, ты самая красивая женщина на земле! Как ты можешь так думать?» И второй более юный голос: «Нет безвыходных положений, все мы смертны, великий грех – самоубийство. Взгляни, какая луна, какая ночь подарена нам...»

Они продолжали нежно говорить друг с другом, не замечая меня, я осторожно выглянул из-за трубы. Мария оглянулась, словно почувствовала мое присутствие. В глазах ее стояли слезы. Длинный юноша обнимал ее за плечи, а второй старался стать так, чтобы прикрыть от ветра. Хорошо, что было темно, что они не видели меня, не видели, как вспыхнуло мое лицо, Осторожно ступая, я спустился по трапу. Все вокруг было наполнено призрачным желтым светом. И штилевое море, и эта огромная луна, и легкий ветерок – все было так соразмерно, все было так прекрасно задумано, все, кроме нас – мыслящих и озлобленных, обреченных на вечные страдания. Как нужно было все измерять на свой аршин, думая, что эти юнцы

расправятся с Марией. Нет, не от них шла опасность. Они продолжали любить ее. Это я стучал миской вместе со всеми, с теми, кто требовал выбросить пассажиров на шлюпке, обрести их на скорую смерть. И я посмотрел вверх, туда, где на мачте наши ходовые огни мерцали на фоне звезд, и прошептал: «Господи, прости нас, ибо не ведаем, что творим...»

Крик петуха

Густые туманы пали на Атлантику. На целую неделю район промысла погрузился в непроницаемую мглу. Ватная пелена плотно окружила плавбазу. С крыла мостика не видно ни мачт, ни кормовой надстройки. Мы застряли в белизне и повисли между водой и небесами. Расплывчатые неясные пятна судовых огней мерцают с правого борта. Это суда-ловцы. Они ждут нашу плавбазу с сетями-кошельками, полными рыбы. Им необходимо освободиться от рыбы, чтобы снова заметить свой кошелек. Мы ищем эти суда. Иголку в стогу сена легче отыскать, чем нужное нам судно. «Неринга! Неринга!» – бесполезно кричу я в мегафон, срывая голос. Плавбаза движется к «Неринге» осторожно, сопровождая свой путь воем тифонов. Звук натывается на безответную стену. Машинный телеграф замер на отметке «самый малый вперед». С верхней палубы рубки, с навесов соскакивают тяжелые капли воды. Это не дождь. Дождей в этом районе не было всю зиму. Туман родил подобие дождя. Со всех сторон обступает нас мокрая клубящаяся масса. Где солнце? Где другие суда? Что вообще творится вокруг? Это знает только капитан, уткнувший лицо в экран локатора. Солнце по времени давно вошло, но свет его не в силах пробить белую массу тумана, прорваться сквозь нее. Надрывно гудит плавбаза, предупреждая сейнер о своем приближении. Вой тифонов пронизывает насквозь. «Неринга... Неринга... Почему молчите... Неринга не исчезайте со связи», – это радист повторяет общую нашу мольбу.

«Неринга» уже не в поле зрения локатора, она в мертвой зоне, где-то здесь, совсем рядом. Каждое мгновение может стать роковым. Громада базы надвигается на невидимый сейнер. «Эй, на баке, смотрите внимательно!» – капитан вытирает лицо ладонью. Непонятно – пот или капли от тумана. Что они могут увидеть? Очертания людей на баке расплывчаты. Они как – будто плывут в воздухе, палубы не видно. Они кружатся, словно привязанные к фок-мачте незримыми канатами.

От напряженного пристального стремления что-либо увидеть в глазах возникают, искрятся белые мухи. Впечатление такое, будто смотришь на непрерывно идущий снег.

Тифон смолк. Радист устал повторять координаты. И вдруг в наступившей тишине мы слышим крик петуха. Раскатистый призывный крик. Петушиное приветствие: Кукареку-у! Галлюцинации, откуда здесь взяться петуху, мы же не в деревне, а в океане, кажется нам все это. Но крик повторяется. «Да они же рядом!» – догадывается капитан. Уже слышны голоса с правого борта. Это матросы «Неринги» окликают нас. База и сейнер, словно притягиваемые магнитами, сближаются по инерции. И вот уже в молочном пространстве прорисовывается силуэт сейнера, как будто медленно проявляется изображение на фотобумаге, сначала смутное, расплывчатое, но вот все четче, вот приобрело знакомые очертания, появились надстройка, труба, мачты. Швартовка идет почти вслепую.

В кошельке у сейнера тонн сорок сардины, грохочут стампы, гудят лебедки... Снова кричит на сейнере петух. Ему в ответ заливисто лает наш судовой пес.

Капитан сейнера переправляется к нам в гости. Пока идет выгрузка, мы пьем чай в кают-компании. Капитана зовут необычным именем Эльмар, а спасшего нас от столкновения петуха конечно же Петр. Был когда-то Петя, рассказывает Эльмар, принес его на судно наш радист, был он пушистым комком, цыпленок крошечный, я приказал отдать его на берег, но упросил радист оставить цыпленка. Сделал он клетку в радиорубке, кормил Петю пшеном и гречкой, а потом приучил к кроваткам. Клетку радист держал открытой, Петя сам туда на ночь уходил, а днем сидел рядом с радистом, слушал внимательно все морские сигналы и переговоры. Большой уже стал. Хотел я его после рейса обязательно на какую-нибудь птицеферму отдать, да вот теперь передумал. Как же мы без петуха в тумане будем плавать!

Ночной замет

– Давай дадим другие координаты! – сказал мне капитан Тирхов, когда наше судно подходило к промыслу. Вид у него был заговорщицкий, черные волосы, словно крыло ворона, закрывали один глаз, вторым глазом он мне подмигивал. Я ничего не понял. Тогда он стал разъяснять мне, как капризному ребенку: «Чего ты упрямисься! Согласись, что так будет лучше, так будет разумнее. Мы сообщим, что идем на сто миль севернее, что прибудем на промысел только через два дня». Я возмущался, я кричал, что не допущу обмана. Я был представителем конторы, которая старалась держать в узде даже таких капитанов, как Тирхов. Он был орденносец, с ним носились как с писаной торбой. Я впервые шел на промысел вместе с ним. Я не мог понять его. Он, оказывается, хотел остановиться и даже стать на якорь, чтобы избавиться от запасов вина. Сухое вино давали тем судам, которые работали в тропиках. В жаркие дни полагалось к обеду выдавать стакан вина. Для моряков это вино было, что слону дробина. Но, как объяснял мне Тирхов, именно в дни выдачи вина на судне появлялись пьяные. К этим дням матросы готовились заранее, загодя варили самогон из рыбной муки или ставили бродить соки, взятые на судовом ларьке. Выпив стакан сухого вина, они уходили в каюту и там добавляли самогона. Обвинить их в пьянстве было невозможно, ведь сам капитан выдал им вина. «А каково мне с пьяными идти на замет!» – почти кричал на меня Тирхов. Я по-прежнему говорил нет. К вечеру против меня была настроена вся команда, я стал источником всех бед и меня охотно бы выкинули за борт, как библейского Иону, чтобы справить свой законный праздник – праздник уничтожения сухого вина. К утру я сдался, мы нашли мелководье и бросили там якорь, судовые двигатели смолкли. Господь послал нам тишайший и светлый день. Штилевое, глянцевое море расстелило перед нами свою ровную скатерть, на палубе был поставлен длинный стол и сюда же были вынесены все запасы сухого вина. Это было вино самых худших сортов. Чего еще было ждать от наших снабженцев? Но вина было много. Думается, что если выпить такое количество воды, тоже можно запьянеть, а здесь хоть и малые, но все же были градусы. К тому же ярко светило солнце, подогревая сверху наши еще незагорелые тела. Женщин на судне не было, поэтому сидели, кто в трусах, кто в майке, мочились прямо с борта и пели самые разухабистые песни. А потом плясали, да так что содрогалась палуба. А когда расплывающийся шар солнца нырнул в океан, и сразу стало темно, включили от аварийного движка прожекторы, и в их свете все происходящее стало казаться мне нереальным. Словно я видел чудный сон, где был зван на бал и, погруженный в теплые волны, парил над паркетом-палубой, и вокруг меня вальсировали полуголые матросы, а кто-то ползал по палубе в поисках заветной тифельки. Мое сладкое видение прервал Тирхов, он растормошил меня и сказал, что у него есть одна прекрасная идея. Конечно, идея эта была в том, что надо поискать, где бы еще добавить. Свои запасы водки он выпил еще на отходе, я в рейс водки не брал, так что идея Тирхова оставалась ничем не подкрепленной и неосуществимой. Так думал я. Но не Тирхов. Недаром это был самый удачливый капитан нашего флота и самый изобретательный. Оказывается, он успел связаться по радио со своим корешем – капитаном такого же судна, который был на заходе в инпорту и, естественно, набрал там несколько ящиков боккарди. Понимаешь, сладко улыбаясь, говорил мне Тирхов, это ведь не сухарь, это сорок три градуса, только никому – ни гу-гу. Идем только вдвоем. В последний момент мне удалось уговорить Тирхова взять с собой еще и матроса. Мы быстро спустили шлюпку-ледянку, молодой матрос молча дернул за шнур и завел движок, и мы рванули в ночь. Я не понимал, как ориентируется Тирхов, вокруг стояла такая мгла, что казалось шлюпка сейчас воткнется в нее и застрянет. Но Тирхов нюхом чуял запасы боккарди. Уже минут через десять он кричал во тьму: «Вася, курва, отзовись, мы здесь, Вася!» И Вася отозвался, ибо тьму прорезал прожектор, и мы пошли по его лучу. И вот уже нас втащили на Васин корабль. И Тирхов стал обнимать Васю, а Вася, оказавшийся на две

головы выше Тирхова, наклонился и чуть ли не плакал на плече друга. Вася был уже давно пьян. Но запасы у него еще были. И он сопровождал нас в свою каюту, где не только стояли бутылки, но и лежали диковинные заморские фрукты. Тирхов, не закусывая, выпил подряд два стакана и сразу повеселел. Я только пригубил, я понимал, что должен остаться трезвым, мы ведь покинули свой пьяный корабль, никого не оповестив об этом. И теперь надо было как можно скорее вернуться. Между тем Вася вырубился и уронил голову на стол, а Тирхов выскользнул за дверь, пробормотав, что сейчас приведет механика и что тот тоже его крепкий кореш. Прошло минут десять, я сидел в каюте и ждал. Какая-то нервная дрожь охватила меня. Я выбежал в коридор. Было совершенно темно. Хорошо, что я знал суда этого проекта почти наизусть. Я выскочил на палубу, прожектор освещал борт и прильнувшую к этому борту нашу шлюпку, в которой дремал матрос. Тирхова там не было. Я стал кричать, что есть силы: «Тирхов! Тирхов!» Никто не отзывался. Судно словно вымерло, вернее, все здесь были пьяны. Я спустился в камбуз, потом поднялся в кают-компанию, повсюду стоял сивушный запах, кругом были разбросаны бутылки, но людей не было. Я решил, что все покинули судно и почувствовал, как холодный пот прошибает меня. Я стал бегать от каюты к каюте и кричать – Тирхова нигде не было. Никогда я еще не попадал в столь глупое положение. Совершенно случайно я распахнул дверь гальюна, и, о, чудо! – Тирхов был здесь, он мирно спал на толчке. Я стал тормошить его. Он очнулся и долго не мог понять, где он и что от него хотят. Мне пришлось волоочь его по палубе и спускать в шлюпку, я крыл его последними словами. Я окатил его водой, и теперь окончательно придя в себя, он точно вывел шлюпку к борту своего судна. Там тоже все спали. Силы покинули меня, я бухнулся на диван в своей каюте и сразу же погрузился в сон. Но спал я не больше часа. Громкие сигналы судового колокола разбудили меня. За дверьми слышался топот ног. Я быстро накинул куртку и поспешил в рубку. Судно наше несло на вираже, выметывая кошелек. Радист повис на моей руке, он чуть не плакал, он кричал: «Остановите его, это же безумие! Он пьян, люди пьяны! И ему вздумалось идти на замет!» Я бросился к Тирхову, тот словно охотничий сокол был весь напряжен, он ждал добычу и готов был схватить ее. «Образумьтесь! – закричал я. – Вы погубите людей! Здесь же отмель и сплошные рифы, вы порвете сети!» Тирхов отмахнулся от меня как от надоедливой мухи. Сети уже начали стягивать, и он выбежал на палубу. Его действия были четки и выверены. И следа похмелья не было на его лице. Я тоже выскочил на палубу. Рыба бурлила в сетях, словно в огромном котле. Прожекторы высвечивали эту пузырящуюся и ворочающуюся живую массу. В кошельке было тонн двадцать чистой скумбрии. Нам не надо было идти в район промысла. Весь флот шел к нам, шел сюда на большую рыбалку, где удача ждала всех и где было так мелко, что, действительно, здесь пьяному было море по колено.

На живца

Слух о том, что на плавбазе «Фурманов» обитает настоящая русская красавица, быстро облетел весь промысел. Чтобы только взглянуть на нее, капитаны судов-ловцов старались попасть на сдачу рыбы только на эту плавбазу. Они готовы были терять время в очереди, они готовы были на все. И действительно, тот, кому довелось увидеть врачиху, так между собой называли ее капитаны, уже не мог спать спокойно, ибо она приходила в его самые сладострастные сны. Остальным членам команд судов-ловцов, изнывающих в океане без женщин, не дано даже было увидеть врачиху. И они расспрашивали своих капитанов – какая же она, эта сладкая женщина. И капитаны не могли толком объяснить, ибо не хватало слов, и могут ли слова передать то притяжение, которое возникало, когда она поднимала на тебя свои васильковые глаза, когда дышала учащенно, и высокая грудь ее вздымалась, и каждое движение обещало такую глубину страсти, за которую не жалко было отдать всю жизнь. Отдать все, только бы без остатка раствориться в этой женщине, в ее белом парном теле, слиться с ее дыханием, или хотя бы просто прикоснуться к ее нежной коже. И капитаны старались быстрее сделать замет, чтобы заполнить кошелек рыбой, чтобы получить право звать к себе плавбазу. И в ночи они всматривались в огоньки на горизонте, дрожащие огоньки малых судов, чтобы первыми увидеть, как их затмевает праздничное сияние прожекторов плавбазы. И едва борта соприкасались, капитан ловца устремлялся к трапу, и карабкался вверх с удивительной ловкостью, одной рукой хватаясь за поручни, а другой бережно придерживая портфель, набитый бутылками рома и специальным угощением – рулетом или салатом из креветок, или же черепаховым тающим во рту мясом. Вахтенный сопровождал в рубку, где стоял хозяин плавбазы, всегда широко улыбающийся орденоносец Вартанов. Он улыбался в свои загибающиеся кверху, как у Чапаева, усы и протягивал руку, чтобы перехватить портфель и определить по весу, какую встречу оказать взошедшему на борт. А тот, ослепленный огнями и уютом, стоял и ждал решения своей участи, не будешь же говорить открыто при всех штурманах, скопившихся в рубке, зачем ты пришел сюда, когда можно было послать простого матроса-счетчика и тот подписал бы протокол о сдаче рыбы. Вартанов продолжал улыбаться и делал жест рукой, жест щедрого распорядителя райским садом. И надо было идти за ним, палубой ниже, над которой витал аромат духов. И дверь лазарета открывалась, и оттуда пальчиком манила она, вся такая душистая и теплая в распахивающем халате, и с таким чарующим голоском, что можно было упасть в обморок, еще не дойдя до нее или излиться страстью на расстоянии, опустошив себя и покрыв позором. Но так случалось редко, ибо капитаны всегда должны обладать достойной выдержкой, и понимают, что страсть должна всегда быть взаимной.

Наверху же стампы быстро перегружали рыбу, а потому торопили – сначала звонками, потом стуком в дверь, потом сам Вартанов звал – надо было подписывать акт о сдаче рыбы. Глаза не хотели смотреть на скучные цифры. Они хотели сохранить видение роскошного тела и распахнутых бедер. Подпись ставилась сама собой. Вартанов наливал рюмку, выпивал сам и продолжал улыбаться, теребя кончики усов. Ни одна из плавбаз не набрала столько рыбы, сколько смог набрать Вартанов. Ни у одной плавбазы не было такого запаса неучтенной рыбы. «Надо уметь ловить на живца, – говорил он, подвыпив, своим помощникам, – чтобы вы делали без меня!» Иногда в их компанию приходила врачиха, и тогда они все затихали и смотрели на нее. Она пила аккуратно, из рюмки, которую держала, отставив свой нежный пальчик. Вартанов становился перед ней на колени и просил: «Королева, допусти меня, смилуйся, королева!» Она отстранялась, улыбалась своей ослепительной улыбкой, но никаких надежд своему хозяину не оставляла. Иногда же протягивала своим нежным голоском: «Мы так не договаривались, Вартанов...» А внизу, там, где плескалась темная вода, уже жался к борту очередной ловец, и в кошельке его было полно рыбы.

Морская любовь

На старинных парусниках, годами болтающихся в морях, на китобойных судах, в погоне за добычей, устремляющихся к Антарктиде, не было места женщинам. Считалось, что женщина на борту приносит несчастье. Они являлись в сладких снах, облаченные в свадебные платья, они легко скользили по волнам и в этих снах сводили с ума молодых матросов. В наше время море стало доступно женщинам. На больших рыболовных базах, где не раз выходил я в океан, они заселили каюты правого борта кормовой надстройки, коридор, куда выходили их двери, был назван улицей Восьмого марта. Почти сорок обработчиц рыбы, пышущих здоровьем молодок, которых не могла утомить никакая работа. Прибавьте сюда еще и госпиталь с аккуратными и чистенькими сестрами милосердия. Здесь находили своих избранниц флотские начальники. Обработчицы доставались матросам. Наш капитан говорил с пафосом, вскинув вверх шотландскую бородку: «Мой друг! Если вы видите на палубе базы веселую, улыбающуюся женщину, которая не идет, а скользит по настилу, полная женского счастья, то непременно в какой-нибудь бригаде или вахте отыщите изможденного, передвигающегося как тень члена экипажа, неспособного выполнять свою работу!» Каждый хотел бы очутиться на месте этого парня, но нас было двести человек и все мы жаждали любви, но не каждому это было дано. Зато нам не нужно было грезить, мы видели женщин воочию, мы ощущали на расстоянии их горячее дыхание, их заманчивый неповторимый запах.

Нам завидовали матросы средних и малых траулеров, где совершенно не было женщин. Когда их малые суда швартовались к плавбазе, чтобы сдать рыбу, они под любым предлогом устремлялись на базу, лезли по штормовым трапам, спускались в люльках, карабкались по швартовым баллонам. «Шутрм Измаила!» – говорил наш капитан. Эта орда устремлялась в кормовую надстройку. И готова была отдать за беглый поцелуй или краткое объятие всю заработанную валюту. Рыба была выгружена, по судовой трансляции звучали напрасные призывы о том, что посторонним пора покинуть борт плавбазы, капитаны малых траулеров, сами успевшие получить дозу любви, вытаскивали своих матросов из кают. Мы не осуждали за это женщин нашей плавбазы. Они были щедры на любовь. И мы понимали, что такое мужчины без женщин. Что такое полугодовой рейс на малом траулере. В один из рейсов и я очутился на палубе такого морского страдальца. Лишенные женщин матросы не брились, через слово сотрясали воздух отборным матом и мочились прямо с борта. Избави Господь вас от такого рейса. Бегите от них и умоляйте конторских барышень-кадровичек направить вас, если не на плавбазу, то хотя бы на большой траулер. На этих траулерах тоже не сахар, ведь там на восемьдесят человек экипажа приходится три или в лучшем случае четыре женщины. Буфетчица верхнего салона, она обычно принадлежала капитану, кастелянша и прачка, для первого помощника и старшего механика. Остальным оставалось только ждать, когда эти женщины, надоедят начальству. И за них придется сражаться, доказывая свое право на любовь. Этим женщинам повезло и в то же время крупно не повезло. Был выбор – или сохранить невинность, или впасть в немилость, было ощущение полной незащищенности. Одну мою знакомую веселую рыжеволосую хохотушку выбросили за борт матросы, истомленные ее не сбывающимися обещаниями. Женщины на траулерах – закаленные морячки проставляли бутылку корабельному плотнику, который ставил замки на их каюты, замки, которые не мог открыть дежурный штурман своим вездеходом. На траулерах матросы не запирали своих кают, это считалось дурным тоном. Замки на каютах женщин ни у кого не вызывали вопросов.

Но были в морях и почти райские суда – это консервные плавбазы, большие заводы в море. На этих плавбазах в рыбных цехах работали в основном женщины. Порядка семисот молодых женщин, жаждущих любви, и порядка пятидесяти моряков, истощенных от любви. Здесь женщины не запирали своих кают. Замки были закрыты на каютах мужчин. Мне выда-

лось как-то побывать при выгрузке на такой плавбазе, пока я спускался в кают-компанию, несколько девиц, жарко дыша мне в лицо, называли номера своих кают... Я видел на этой райской плавбазе изможденных штурманов и механиков с глазами тусклыми и бесстрастными и ни разу не просил в отделе кадров направления на плавучие консервные заводы.

Любовь в море вспыхивает яркой звездой и за право на нее надо бороться. Иногда на плавбазах выходят в рейс муж и жена. Это лучшая проверка прочности любви. Упаси вас Господь подвергнуться такому испытанию. Я помню, как при перегрузке рыбы, мы послали на транспортное судно учетчицей жену нашего боцмана. Всегда нужен контроль, иначе не досчитаешься в лучшем случае нескольких тонн. Перегрузка закончилась, но жена боцмана не возвратилась. Мы стояли борт о борт с транспортным судном и не отдавали швартовы. Несколько раз по трансляции наш капитан просил жену боцмана возвратиться, а капитан транспортного судна даже организовал ее поиск. Но больше всего мне запомнился боцман, мечущийся вдоль нашего борта, словно раненный зверь, пойманный в капкан. Его пронзительные крики иногда по ночам повторяются в моей голове. Жену его конечно возвратили. И еще долго держали у нас в отдельной каюте, пока не успокоился боцман и поклялся, что не тронет ее.

Иногда возлюбленные попадают на разные суда, встреча которых в океане дело случая и по теории вероятности вряд ли может произойти. Но столь велико их обоюдное желание, что нарушая все теории, эти корабли идут навстречу друг другу. Ищут один другого, как ищет в бескрайних водах кит свою подругу, чтобы соединившись с ней и встав над водами, трубным ревом радости и фонтанами брызг растревожить пространство.

Любовь разрушает любые преграды. И встрече влюбленных сопутствуют, вольно или невольно, капитаны судов, прокладывающие курс к скоплениям рыбьих косяков, встрече помогают синоптики, предлагающие капитанам уклониться от районов бурь, встречу приближают морские течения и попутные ветры, ускоряющие ход корабля. И когда суда, на бортах которых изнемогают от любви морские Ромео и Джульетта, сходятся в одном промысловом районе, уже никто не сможет помешать встрече. Найдется повод для взаимной швартовки, не выдержит капитан и прикажет спустить шлюпку, наконец, начальник промысла сам подскажет причину, по которой корабли должны соприкоснуться бортами. И тогда на одном из кораблей станет на одного человека больше, а на другом экипаж уменьшится на одного человека. Но в целом человечество может увеличиться. Такова корабельная математика любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.